

Слово редактора

ЧИТАЯ ХАННУ АРЕНДТ: БЮРОКРАТИЯ И ВЛАСТЬ (статья 2)

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *Впервые в русскоязычной научной литературе реконструирована концепция бюрократии Ханны Арендт во взаимосвязи с ее подходом к анализу власти как феномену, который противопоставит насилию. Автор применяет к анализу методики глубинного чтения и концептуальной рутины и ставит множество вопросов, связанных с интерпретацией идей Арендт. Поставлена проблема применения концепции Арендт к изучению русской власти и бюрократии.*

Ключевые слова: *Ханна Арендт, бюрократия, власть.*

Насилие — важная характеристика современности, описанная Ханной Арендт. Требуется реконструкция и применение ее методологии к истории и политике СССР/России в XX–XXI вв. Работа в этом направлении уже идет [Эткинд 2001: 382–215; Современное значение идей Ханны Арендт 2015], хотя значительная часть политического, идеологического и академического сообщества внутри страны и за рубежом отстаивают идею «особого пути России». Главная цель данной статьи — применение методики глубинного чтения и концептуальной рутины [Макаренко 2016а: 255–258; Макаренко 2016б] к анализу второй главы книги Ханны Арендт «О насилии»¹. Ее книга посвящена капитальной проблеме дефиниции власти в контексте XX века — эпохи войн, революций и тоталитаризма в его различных модификациях. В литературе отмечалось, что в данной книге Арендт сделала открытие группового феномена власти, но данное положение не раскрыто [Хазин 2016: 504]. Надо реконструировать блок проблем, вытекающих из ее открытия.

Исходная посылка

Большинство теоретиков считают насилие самым ярким проявлением власти, а войну важнейшей деятельностью государства. Однако Арендт ставит вопросы: если считать войну важнейшей деятельностью государства, то не станет ли конец войны концом государств? не будет ли означать исчезновение насилия в межгосударственных отношениях конец власти?

¹ Первая глава уже проанализирована [См.: Макаренко 2017].

Ее ответ связан прежде всего с фиксацией всеобщего нежелания полагать насилие самостоятельным феноменом и фундаментальной критикой многовековой традиции отождествления власти с приказом. Если сущность власти сводить к приказу, — резонирует Арендт, — то трудно провести различие между приказами полицейского и бандита. Большинство теоретиков согласны с таким пониманием природы власти потому, что они не в состоянии освободиться от концептуальной рутины, накопленной в истории политической мысли и практики. Насилие — элемент рутины осуществления власти, поскольку в большинстве случаев власть не может обойтись без насилия. Такова универсальная антропология власти [Подорога 2015: 143–172].

Арендт показывает, что определения власти как приказа вытекают из старого понятия абсолютной власти, которое европейские государства Нового времени заимствовали в Древней Греции. Там это понятие использовалось для определения форм правления (монархия, олигархия, аристократия, демократия) как форм господства человека над человеком. Арендт добавляет к этому списку бюрократию — новейшую и самую чудовищную форму господства: это — «...власть сложноплетённой системы кабинетов, в которой никакие люди — ни один, ни лучшие, ни немногие, ни многие — не могут считаться ответственными и которую было бы правильно назвать господством (rule) Никого. (Если, в соответствии с традиционной политической мыслью, мы определяем тиранию как правительство (government), которое никому не подотчётно, то господство (rule) Никого, очевидно, оказывается самым тираническим из всех, поскольку при нем не остается ни одного человека, у которого можно было бы хотя бы потребовать ответа за содеянное. Именно такое положение дел, когда невозможно локализовать ответственность и идентифицировать врага, — одна из самых существенных причин современных бунтов и беспорядков по всему миру, их хаотичной природы и их опасной тенденции выходить из-под контроля и становиться бессмысленно агрессивными» [Арендт 2014: 45].

Исходная посылка Арендт включает следующие констатации: бюрократия есть частный случай абсолютной власти, т. е., господства человека над человеком; современная бюрократия воспроизводит все формы такого господства; она образует его самую тираническую форму; является самостоятельным звеном в цепи господства, причиной бунтов и беспорядков во всем мире; воплощает анонимное господство для ухода от ответственности за результаты своих действий.

Отмечу прежде всего эвристичность данной посылки. Достаточно заглянуть в первый попавшийся справочник, чтобы узнать: бюрократия до сих пор не включается в формы правления. Возникает вопрос о причинах такого положения вещей.

Эта посылка дифференцирована. Она включает ряд дескриптивных и нормативных суждений, свидетельствующих о том, что Арендт закладывает фундамент для изменения парадигмы анализа бюрократии. Она использует классическое понятие господства, одновременно отвергая веберовскую квалификацию бюрократии как рациональной формы господства. Значит, она ставит под вопрос сам критерий веберовского различия господства на традиционное, харизматическое и легальное, поскольку исходным основанием данного критерия является традиционная абсолютная власть. Определение бюрократии как чудовищного анонимного господства уже в исходном пункте разговора² о власти позволяет детально изучать теоретические и практические следствия взаимосвязи новейшего феномена деперсонифицированной анонимности с классическими и современными тираниями. Причем, определение власти помещается в контекст анализа современной бюрократии, а не наоборот, как обычно бывает. Такова интродукция Мастера.

² Термин «разговор» я здесь использую как противоположность термина «диалог» [См.: Щедрина 2008: 23–24].

В целях противодействия сложившемуся положению вещей Арендт разрабатывает такой подход к определению бюрократии как формы правления, который позволяет поставить под вопрос многовековую практику осуществления власти и ее теоретического отражения. Обращаю внимание на новизну и продуктивность такого подхода, поскольку в литературе до сих пор воспроизводится веберовское понимание бюрократии и власти [См.: Василенко, Семигин б/г; Алексеева б/г]. В указанных статьях концепция бюрократии Арендт даже не упоминается, а ее понимание власти зачисляется в разновидность феноменологических и герменевтических концепций, которые будто бы не в состоянии отразить материальные аспекты властных отношений. Факт публикации данных статей в Новой философской энциклопедии свидетельствует о пренебрежении или упрощении авторами статей теоретического и политического наследия Арендт.

Естественно, в этом месте надо писать целый трактат с ответом на вопросы: почему определение бюрократии как разновидности абсолютной власти (тирании) и одной из традиционных форм правления до сих пор не учитывается в научной литературе? Или хотя бы статью о соотношении веберовского понимания легального господства с бюрократическим штабом управления (согласно уже осуществленной реконструкции словаря понятий Макса Вебера) с концепцией тоталитарного господства Ханны Арендт (реконструкция словаря которой мне неизвестна, и, видимо, еще не осуществлена) [Вебер 2016: 256–264; 359–397]. Не менее интересно сопоставление указанного определения Арендт с современным концептом тирании, развитым Л. Штраусом [Штраус 2006]. Но перечисленные задачи я сейчас выполнить не в состоянии. Пока последую за Арендт по пути поставленных ею проблем и доказательств.

Воплощения концептуальной рутины

Для демаскировки определений власти как приказа и усиления аргументов в пользу собственного понимания бюрократии Арендт подвергает критике два главных воплощения концептуальной рутины — иудео-христианскую и греко-римскую традицию политической мысли, существующих до настоящего времени.

Первая возникла в итоге обобщения божественных заповедей, согласно которому соотношение повеления и послушания (т. е., приказа и исполнения приказа) достаточно для определения сущности закона. Современные взгляды на природу человека («открытие» врожденного инстинкта господства и агрессивности) усилили эту правовую и политическую традицию.

Вторая традиция не отождествляет власть и господство, закон и приказ. К ней обратились деятели революций XVIII в. для установления республики, в которой господство закона положило бы конец господству человека над человеком как «формы правления, годной для рабов». Но и деятели революций продолжали говорить о повиновении; при этом они имели в виду поддержку законов, на которые сообщество граждан дало согласие. Подобная поддержка, по мнению Арендт, никогда не бывает беспрекословной и не может сравниться с «беспрекословным повиновением», которого можно добиться с помощью акта насилия.

Стало быть, Арендт выступает против монархической и республиканской форм правления одновременно, противопоставляя свое видение проблемы религиозным и светским традициям в исследовании бюрократии и власти. Она формулирует свое определение власти в полемике с веберовской квалификацией бюрократии как рационального управления и питающими эту квалификацию двумя основными интеллектуальными традициями. Все эти шаблоны мысли она отвергает, связывая дефиницию власти с реализацией постоянного прекословия ей словом и делом. **Без противодействия власти никакая ее дефиниция не является продуктивной.** Об этом свидетельствует строгое различие между поддержкой власти и

беспрекословным повиновением ей, которое лежит в основе насилия и на котором настаивает Арендт. «Одно из самых наглядных различий между властью и насилием, — пишет она, — состоит в том, что власть всегда нуждается в поддержке множества людей, тогда как насилие до определенного уровня может обходиться без такой поддержки, поскольку держится на орудиях. Не ограниченное законами господство большинства, т. е. демократия без конституции, может быть весьма жестоким в подавлении прав меньшинств и весьма эффективным в заглушении протеста без всякого использования насилия. Но это не означает, что насилие и власть — одно и то же» [Арендт 2014: 49].

Иначе говоря, беспрекословное повиновение власти независимо от своей правой (религиозной, иудео-христианской, монархической) или левой (революционной, греко-римской, республиканской) прописки воспроизводит господство человека над человеком. Поэтому любая мотивировка бессловесного повиновения власти и определения ее без противодействия ей словом и делом является подозрительной с когнитивной и политической точек зрения, поскольку такая мотивировка скрывает не только бессловесное, но и безрефлективное господство человека над человеком.

На основе такого подтекста рассуждений Арендт аргументирует необходимость теоретического и практического противопоставления власти и насилия. В этом состоит оригинальность ее подхода к проблеме — с одновременной критикой классических и современных форм отождествления власти и насилия. Предельная форма власти — это «все против одного», предельная форма насилия — это «один против всех». Последнее невозможно без средств. Значит, власть есть форма коллективного (группового) принуждения над индивидом, а насилие — персонального (индивидуального) принуждения. Обе разновидности принуждения требуют пристального анализа.

Здесь возникает классическая проблема отношения между меньшинством и большинством, универсального решения которой до сих пор не существует. Деспотия большинства ничуть не предпочтительней деспотии меньшинства. Арендт констатирует: меньшинство может обладать большей потенциальной властью, чем предполагают подсчеты голосов в опросах общественного мнения. Бездеятельное большинство на деле всегда является тайным союзником меньшинства. **Поэтому всякая ссылка на большинство при осуществлении власти скрывает ее насильственный потенциал.** Выявление такого потенциала особенно важно в условиях разрыва между конституционной декларацией демократии в стране и использования государственной властью всех демократических институтов для оправдания властной рутины, которая может прикрываться любыми популярными представлениями и рафинированными теориями.

Между властью и насилием

Короче говоря, Арендт помещает власть в гущу отношений между людьми, а не в государственную и политическую сферу. Она считает прискорбной характеристикой состояния политологии отсутствие строгих различий между словами «власть», «мощь», «сила», «авторитет», «насилие». Все указанные слова обозначают средства господства человека над человеком; они считаются синонимами, потому что имеют одну и ту же функцию. Синонимизация данных слов обличает глухоту к языковым смыслам, слепоту по отношению к стоящим за этими словами реалиям и функциональное понимание политологии. Пора прекратить сведение публичных дел (т. е., политики) к господству! — такой пафос Ханна Арендт вытекает из ее уточнения терминов в сфере межчеловеческих отношений. Стало быть, общее дело (дословный перевод термина *res publica*) есть прежде всего индивидуальная способность объединяться для противодействия господству словом и делом. Это уточнение необходимо

для описания подлинного разнообразия человеческих дел. Значит, семантика описания власти тоже является производной от квалификации бюрократии как современной и самой изощренной формы анонимного господства человека над человеком.

Уточнение терминологии при описании сферы власти начинается с констатации: обычно насилие и власть сочетаются и редко выступают в своей чистой форме. Но отсюда не следует их тождество. Арендт детально разъясняет этот принципиальный постулат своей теории власти, разматывая змеиный клубок окол властного словоупотребления. Власть соответствует человеческой способности действовать согласованно. Без согласованного и солидарного действия власть не существует. Но согласие и солидарность между людьми возможны только на добровольной основе. Поэтому **без предварительного уточнения вопроса о свободе воли и реализации этой свободы каждый человеком на протяжении всей его жизни разговор о власти и насилии не имеет смысла**. Тем самым рафинированная философская проблема связывается с повседневным поведением всех людей.

Правда, данный аспект теории власти только намечен, но не реализован в работе «О насилии». Он требует специального рассмотрения в контексте веберовской концепции легального господства и двух традиций политической мысли, отнесенных Ханной Арендт к концептуальной рутине, с которой она прямо и косвенно полемизирует. Само собой разумеется, что реализовать данную идею можно только с учетом всего богатства теоретического наследия Арендт. К выполнению этой задачи я тоже еще не готов.

Поэтому опять углублюсь в текст. Арендт считает, что власть никогда не принадлежит индивиду, а только группе, и существует лишь до тех пор, пока группа держится вместе. В момент распада группы, от которой произошла власть, исчезает и власть индивида. Отсюда вытекает необходимость темпорального анализа любых социальных групп с точки зрения того, насколько их властные полномочия являются реальными или вымышленными и на протяжении какого времени они действуют. Действие полномочий всегда ограничено во времени. Поэтому критерий времени входит в состав определения власти. Значит, данное определение надо поставить в связь с существующими концепциями времени, а также со всеми параметрами социологической теории групп. Эти нюансы тоже интересны, поскольку предполагают учет философских и научных теорий времени — от древности до современности — для выяснения меры оригинальности концепции Арендт.

Великая женщина-философ стремится установить семантические пределы разговора о власти. Она считает, что в обыденном языке слово «власть» используется метафорически — на деле имеется в виду «мощь», которая указывает на свойство, присущее объекту или лицу, принадлежит их характеру, способно проявляться по отношению к другим вещам или лицам, но от них не зависит. Группа и ее власть по природе обращаются против независимости, которая свойственна индивидуальной мощи.

Слово «сила» в обыденной речи часто используется как синоним насилия. Арендт предлагает использовать его исключительно для обозначения энергии, производимой физическими или социальными движениями. Здесь нетрудно усмотреть параллели с веберовским пониманием «конstellации интересов и идей», которые он уподоблял движению небесных тел, орбиты которых остаются постоянными, пока не исчезнет Вселенная. В этом можно усмотреть предпосылки для разработки политической астрономии.

Слово «авторитет» фиксирует самый неуловимый феномен человеческих отношений. Авторитетом могут наделяться лица (в отношениях между родителем и ребенком, учителем и учеником) и учреждения (римский сенат или церковная иерархия). Отличительный признак авторитета — безусловное признание со стороны тех, от кого требуют повиновения. Принуждение и убеждение тут не требуется. Для сохранения авторитета необходимо уважение к лицу или учреждению. Поэтому презрение — величайший враг авторитета, а смех —

самый верный способ подрыва авторитета. Этот словесный ряд (принуждение, убеждение, презрение, смех) оказывается органическим свойством становления и крушения любого авторитета.

Насилие всегда инструментально. Его орудия создаются и используются с целью умножения естественной мощи, а на последней стадии развития способны ее заместить. Стало быть, отношение между властью и насилием является частным случаем ранее описанного отношения между целью и средством — со всеми коннотациями преобразования средства в цель, включая политическую бездарность [Макаренко 2017].

Лингвистические сомнения

Короче говоря, Арендт отвергает категорию господства, предлагая взамен комплекс эмпирических явлений в сфере человеческих отношений, которые описываются перечисленными терминами. Но в подтекст этого комплекса входит ряд теорий, проясняющих смыслы каждого из указанных явлений (от проблемы свободы воли до соотношения институциональных и психологических аспектов в каждом акте осуществления авторитета). Причем (подчеркну еще раз), эта терминология не имеет отношения к государству и политике как сфере публичных дел. Государственную и политическую сферу надо тщательно проверить с точки зрения наличия (отсутствия) в ней феноменов, способствующих отождествлению власти и насилия, — намекает Арендт. Однако до сих пор большинство государств и видов политики двигалось в противоположном направлении. Предпосылки отождествления власти и насилия сохраняются до сих пор. И важнейшей из них является веберовская категория господства (*Herrschaft*), которую он противопоставлял власти (*Macht*). Ведь оба указанных термина могут переводиться на русский язык как власть, сила, могущество — в зависимости от контекста (достаточно заглянуть в соответствующие словари). Что считать контекстом в каждом конкретном случае? — становится проблемой, поскольку Вебер проводил различие между господством и властью на основании совпадения в первом феномене идеальных и материальных мотивов поведения, а во втором имел в виду силу как главный элемент власти. Иначе говоря, различие между данными феноменами вплетено в специфику его методологии и социальной теории, которую, несмотря на всю ее основательность, невозможно считать универсальной, общепринятой и единственной.

Замечу также, что указанная семантика относится к английскому языку, на котором была опубликована работа Арендт «О насилии». Если согласиться с данной семантикой, то надо принять к сведению, что даже в европейских языках уже существует словарь непереводаемостей, в котором есть раздел «Право и политика», но в этом разделе нет слов «власть» и «насилие» [Европейский словарь философий 2009]. Однако ни право, ни политика не в состоянии обходиться без властно-насильственных отношений и институтов. Поэтому о причинах такого отсутствия можно только догадываться, учитывая отмеченное Арендт нежелание большинства заниматься проблемой насилия. Между тем элементарное сравнение терминов «власть» в русском языке и «влада» в украинском языке показывает, что в первом случае смысл власти как владения ослаблен, а во втором случае сохраняется. Но в обоих языках существует термин «владыка», а соотношение в нем религиозных и светских коннотаций и связанных с ними различий требует специального анализа с учетом данных истории славянских государств и лингвистического славяноведения [Мейе 2000]. Причем, любая славянофильская концепция (русская, польская, чешская, сербская, украинская и т. д.) в данном случае также будет работать на отождествление власти с насилием уже через концепт «миссии», с которым связано всякое «-фильство». По крайней мере, филателист всегда останется нетождественным славянофилу, поскольку в собирании марок никакой миссии пока никто не обна-

ружил (или я ошибаюсь?..). Проблема еще более осложнится, если учитывать все множество существующих языков и смыслов, связанных с терминами «насилие» и «власть», в рамках которых Арендт предлагает свою семантику.

Все это семантическое разнообразие она противопоставляет сложившейся практике и шаблонам мысли (т. е., всей традиции осуществления властных функций). Мышление о власти в категориях приказа и исполнения уравнивает власть с насилием. Такое уравнение особенно привлекательно при обсуждении власти правительства, которая является лишь одним из частных случаев власти. В международных отношениях и во внутренних делах насилие предстает как последнее средство для защиты структуры власти от посягательств иностранного врага или местного преступника. Поэтому создается впечатление, будто насилие есть необходимое условие власти. Но такое представление о власти ложно. Арендт считает, что разрыв между теорией власти и реальностью власти лучше всего виден на примере феномена революции.

Между тем далеко не все юридические, социальные и политические теории исходят из такого разрыва. Стало быть, Арендт выступает против сведения феномена власти к власти правительств, парламентов и партий — т. е. к любым институционализированным и огосударствленным формам власти. Проблема смещается к поиску таких источников, которые позволяют обнаружить нетождественность власти и ее институционализированных и государственных форм в конкретных социально-исторических обстоятельствах. Концепция Ханны Арендт — важный теоретический источник в процессе поиска. Но что считать репрезентативным источником для обнаружения указанной нетождественности и какой способ или теорию интерпретации источников предпочесть? — на этот вопрос у меня ответа пока нет.

Что важнее — революции или стабильность правительств?

Для обоснования радикального различия между властью как сферой человеческих отношений и любой институционализированной властью Арендт опирается на историю, теорию и практику революции и тоталитарного господства. Эти аспекты власти она детально описала в собственных исследованиях, которые образуют почву работы «О насилии». С историко-ведческой точки зрения данный труд может рассматриваться как развитие ее предшествующей исследовательской практики. В зависимости от акцента на ту или иную работу в данной практике будет меняться и прочтение книги «О насилии». В любом случае имя Арендт традиционно связывается прежде всего с историей и теорией тоталитаризма. Поэтому моя статья образует лишь одно из введений в арендтоведческие штудии, вход в которые может осуществляться через разные двери, окна и даже щели³.

Ханна Арендт скептически относится к теоретикам. Они утверждают, что шансы революции уменьшаются по мере роста разрушительной силы оружия, которое традиционно принадлежит правительствам. Но история революций XX века, — резонирует она, — фиксирует громадный разрыв между государственными и принадлежащими народу средствами насилия (от пивных бутылок до коктейлей Молотова и винтовок). Поэтому технический прогресс в сфере революции не имеет значения, а «устроить» революцию тоже нельзя. В споре двух насилиев превосходство правительства всегда было абсолютным; но оно длится лишь до тех пор, пока остается неприкосновенной властная структура правительства (приказы исполня-

³ Примером щели и даже замочной скважины может служить ситуация на одной из конференций. После моего доклада о радикальном противоречии истины и политики в теории Арендт одна ростовская докторица философских наук высказалась о ней отрицательно, поскольку Арендт выступала против нацистской Германии и Советского Союза одновременно...

ются, а войска и полиция готовы пустить в ход оружие)⁴. Когда приказы уже не исполняются, средства насилия становятся бесполезны. Вопрос об исполнении приказов решается не отношением «приказ-повиновение», но мнением и числом тех, кто это мнение разделяет. Наступает звездный час революции — внезапный распад власти. Именно такое состояние является свидетельством не только теоретической, но и практической свободы. Оно показывает, что гражданское повиновение законам, правителям, институтам есть всего лишь внешнее проявление поддержки и согласия с властью правительства, предшествующего данному моменту. Революция — лакмусовая бумага для выявления действительного, а не мнимого соответствия между приказами власти и реальным положением дел и состояний умов. Поэтому **вопрос о власти смещается к соотношению революции и традиции внутреннего насилия в каждой конкретной стране.** С этой точки зрения стабильное правление невозможно без религиозно, политически и нравственно мотивированной традиции (интеллектуальной реконструкции) тираноборчества и цареубийства — ведь без них история не существует.

Ханна Арендт предлагает изучать отношение между властью и насилием на основе анализа феноменов и проблем внутреннего насилия, легитимности, оккупации и коллаборационизма в каждой конкретной стране. За всеми этими феноменами стоит плотная сеть государственных институтов, но все они в лучшем случае заслуживают словесного несогласия, а при обычном течении дел — осмеяния и презрения, поскольку их авторитет был и останется гипотетическим. Целые традиции мысли работают на подрыв такого авторитета. Тайное и явное (вербализованное в теории Арендт) несогласие с авторитетом государств, правительств и всех политических институтов — норма социальной жизни.

Сомнение в комплексе государственных институтов вытекает не только из лапидарных констатаций Ханны Арендт, но также из элементарного знания истории. Никогда не было правительства, которое бы опиралось только на средства насилия. Деспотическое господство рабовладельца над рабами было основано не на превосходстве средств насилия, а на превосходстве в организации власти, т. е. организованной солидарности рабовладельцев. Даже тоталитарному властелину требуется властная опора — тайная полиция и ее сеть осведомителей («людей искореняющей профессии», по характеристике Н.Я. Мандельштам, которые искореняют всякое сомнение в легитимности существующей государственной власти путем истребления явных и скрытых носителей такого сомнения [Мандельштам 1999: 20]. Отдельные люди без поддержки других никогда не имеют достаточно власти, чтобы успешно применять насилие. Поэтому во внутренних делах насилие функционирует как последнее средство, к которому прибегает власть против преступников или мятежников — индивидов, которые отказываются подчиниться консенсусу большинства.

Сущность всякого правительства — власть, а не насилие. Насилие всегда нуждается в руководстве и оправдании целью, которой служит. А то, что нуждается в оправдании со стороны, не может само быть сущностью чего бы то ни было. Целью и завершением войны будет мир или победа; но нет ответа на вопрос «в чем цель мира?». Мир — это абсолют, хотя в истории периоды войн всегда длились дольше периодов мира. Власть относится к той же категории; она есть «цель в себе». Правительство — это организованная и институционализируемая власть. Поэтому вопрос: «В чем основная задача правительства?» не имеет смысла⁵, — выносит вердикт Арендт. Всегда неясно, для чего существует правительство. Калейдоскоп лиц, его составляю-

⁴ Ситуация меняется в течение нескольких часов, как было в венгерской революции 1956 г. Бунт оказывается не подавлен, оружие переходит в другие руки. Лишь после такого перехода и распада правительства имеет смысл говорить о «вооруженном восстании».

⁵ Ответ может быть неопределенным (обеспечение совместного существования людей) или утопическим (достижение счастья, осуществление бесклассового общества или иного идеала, каковое осуществление неизбежно приведет к тирании).

щих, свидетельствует об эфемерности любой канонизации деятельности правительств. Обнаружение и вербализация (теоретическая и политическая) такой эфемерности — задача философа.

Нелегитимность любого насилия

Для внесения ясности в вопрос Арендт проводит различие между оправданием и легитимностью власти. Власть нуждается не в оправдании, а в легитимности. Использование слов «оправдание» и «легитимность» как синонимов подобно приравниванию повинования и поддержки. **Повиновение власти не является ее поддержкой.** Власть возникает всякий раз, когда люди собираются вместе и действуют согласованно. Но легитимность власть черпает из первоначального факта собирания людей вместе, а не из действия, которое может затем воспоследовать. Когда легитимность ставится под сомнение, то власть защищается, апеллируя к прошлому, тогда как оправдание ссылается на цели, лежащие в будущем.

В этом месте Арендт формулирует главный тезис — принципиальный пункт — своих рассуждений: «Насилие может быть оправданным, но никогда не будет легитимным» [Арендт 2014: 61–62]. Оправдание насилия тем менее убедительно, чем в более далеком будущем лежит его цель. Никто не отвергает использование насилия при самообороне индивидов, поскольку опасность очевидна, существует в настоящем, а цель, оправдывающая средства, дана непосредственно.

Нетрудно убедиться, что Арендт отвергает любое надындивидуальное, вневременное и внепространственное понимание власти. Об этом косвенно свидетельствует также ее определение бюрократии как анонимного (значит, надындивидуального и потому негативного) господства. Если радикализировать ее концепцию, то власть — одно из самых эфемерных явлений, не выходящих за пределы ограниченного моментом времени и точкой пространства бытия индивидов. Она возникает и рушится одновременно во всех формах собирания людей вместе, поскольку любая властная деятельность, вытекающая из факта собирания, всегда предполагает несогласие. А поскольку бюрократия претендует на вневременное существование и даже «рациональность» (в концепции Вебера), постольку она является квинтэссенцией скрытого насилия, в подтексте которого скрывается не только история насилия в каждой конкретной стране, но и память о нем в последующих поколениях.

Власть и насилие — несовпадающие феномены, хотя появляются вместе. При любом их сочетании власть есть первичный и господствующий фактор. Ситуация меняется, едва возникает их чистое состояние в случае иностранного вторжения и оккупации. Арендт утверждает, что лобовое столкновение между русскими танками и не насильственным сопротивлением чехословацкого народа в 1968 г. — хрестоматийный случай конфронтации между насилием и властью в их чистом состоянии. Приравнивание насилия и власти основано на понимании правления как господства человека над человеком средствами насилия. Если иностранный захватчик сталкивается с бессильным правительством и нацией, не привыкшей к отправлению политической власти, то ему легко достичь господства. Во всех других случаях оккупант постарается немедленно создать коллаборационистское правительство, т. е. найти местную властную опору для своего господства. В подобном случае достичь господства — задача трудная, но возможная. Насилие зависит не от числа людей и их мнений, а от средств, которые увеличивают и умножают человеческую мощь. Те, кто сопротивляется насилию с помощью одной власти, вскоре обнаружат, что им противостоят не люди, а устройства, чья бесчеловечность и разрушительный потенциал возрастают пропорционально разделяющему противников расстоянию. Насилие всегда способно разрушить власть; из дула винтовки рождается самый действенный приказ, приводящий к немедленному и полному повинованию.

«Но власть родиться оттуда не может никогда» [Арендт 2014: 63], — отвечает Арендт Мао Цзедуну и его последователям.

Решающим примером при аргументации различия между насилием и властью Арендт считает историю тоталитаризма. Лобовое столкновение между насилием и властью всегда заканчивается поражением последней. Именно этот момент фиксирует ослабление власти и начало правления с помощью чистого насилия. Например, внутреннее и внешнее ослабление власти европейского империализма стало очевидно в альтернативе между деколонизацией и бойней, вставшей перед европейскими державами после второй мировой войны. Ослабление власти советского правительства, которое бросило танки на безоружный народ, стало очевидно в «решении» чехословацкой проблемы.

Замена власти насилием может принести победу, но ее цена будет очень высока, ибо за победу расплачиваются не только побежденные, но и победитель собственной властью. В империалистическую эпоху существовал страх перед обратным воздействием, когда «правление покоренными расами» могло повлиять на внутреннее правление⁶. Короче говоря, потеря власти побуждает заменить власть насилием, а насилие ведет к беспомощности. Если за насилием уже не стоит сдерживающая его власть, происходит инверсия средств и целей. Теперь средства определяют цель — насилие разрушает всякую власть, которая им пользуется.

По мнению Арендт, саморазрушительность победы насилия над властью очевидна при использовании террора для поддержания господства. Террор — это форма правления, возникающая, когда насилие, разрушив всякую власть, не уходит со сцены, но сохраняет за собой полный контроль. Эффективность террора почти всецело зависит от степени социальной атомизации, которая поддерживается и усиливается вездесущностью осведомителей. Это уже не профессиональные агенты на содержании у полиции, а потенциально каждый человек.

В этом пункте Арендт проводит различие между основанным на терроре тоталитарным господством и установленными с помощью насилия тираниями и диктатурами: первое обращается не только против своих врагов, но и друзей и сторонников. Насилие боится всякой власти. Пик террора достигается тогда, когда полицейское государство начинает пожирать собственных детей — вчерашний палач становится сегодняшней жертвой. В этот же момент окончательно исчезает власть. Арендт считает наиболее убедительным объяснением десталинизации России осознание сталинскими функционерами факта: сохранение прежнего режима приведет не к восстанию, но к параличу всей страны.

Перспектива бессилия власти

Из всех перечисленных феноменов вытекает радикальная противоположность власти и насилия. Насилие способно разрушить власть, но совершенно не способно ее создать. Арендт подчеркивает, что насилие не может возникнуть из власти как своей противоположности. Центральная идея Ханны Арендт состоит в квалификации бюрократии как введения практики насилия в политический организм (государство). Она формулирует несколько следствий такого процесса.

Чем больше бюрократизация общественной жизни, тем больше привлекательность насилия. В развитой бюрократии не остается никого, с кем можно было бы спорить, предъявлять требования, осуществлять давление власти. «Бюрократия — это форма правления, при

⁶ Примером «эффекта бумеранга» является также газовая атака в кампусе университета Беркли, где в ход был пущен слезоточивый газ, запрещенный Женевской конвенцией и используемый армией для борьбы с партизанами во Вьетнаме, притом национальные гвардейцы в противогазах не давали никому покинуть загазованную территорию.

которой все лишены политической свободы, лишены власти действовать; господство Никого не есть не-господство, и там, где все равно безвластны, мы имеем тиранию без тирана» [Арендт 2014: 94]. Современная бюрократия не является воплощением рациональности (как постулировал М. Вебер), а повсеместным воспроизводством древней тирании, против которой пока еще не образовалась двухтысячелетняя традиция тираноубийства во всех пунктах соприкосновения бюрократии с гражданами.

Вывод Ханны Арендт однозначен: тирания — общая характеристика современного государства, независимо от его деления на капиталистическое и социалистическое, западное и восточное; поэтому все формы рефлексии о древних и новых тираниях имеют непосредственное отношение к анализу современной бюрократии. Чем больше население и имущество страны, тем больше в ней анонимная власть администраторов. Она дополняется бюрократизацией партийных систем на Западе и Востоке, превращением правительств в администрации, а республик в бюрократии, катастрофическим сужением публичной сферы, блокировкой процессов творчества, которые в наибольшей степени пострадали от прогресса современной эпохи. Культ насилия вызван фрустрацией способности к действию в современном мире, фиксирует смертельные судороги творческой способности человека, которую человечество вот-вот утратит. Сверхдержавы раздавлены бременем собственной огромности. В такой ситуации «новый пример» может подать небольшая страна или маленькие секторы в массовых обществах больших держав.

Общим итогом указанных следствий Арендт считает феномен бессилия власти, который выражается в процессах социального и политического распада.

Социальный распад включает: упадок социальных служб (школ, полиции, почты, сбора мусора, транспорта); смертность в автокатастрофах и транспортные проблемы в городах; загрязнение воздуха и воды.

Политический распад включает:

Упадок партийных систем, которые возникли недавно и предназначались для обслуживания политических нужд массового населения. На Западе они были призваны обеспечить представительное правление, когда прямая демократия уже не работает. На Востоке — сделать более эффективным абсолютное управление огромными территориями. Но огромность уязвима; трещины во властных структурах всех стран (кроме маленьких) открываются и ширятся. Зато можно наблюдать и измерять, «...как мощь и упругость коварно разрушаются, вытекая капля за каплей из наших институтов» [Арендт 2014: 98].

Подъем новой разновидности национализма, которая понимается как сдвиг вправо, но скорее указывает на рост всемирного озлобления против больших размеров государства и централизации власти. Прежде национальные чувства объединяли разные этнические группы, фокусируя их политические чувства на всей нации. Теперь этнический «национализм» угрожает распадом самым долговечным и прочным национальным государствам. Этнические группы (шотландцы, валлийцы, бретонцы, провансальцы), ассимиляция которых послужила предпосылкой для возникновения национального государства и казалась необратимой, теперь обращаются к сепаратизму, бунтуя против централизованного управления. Централизация под бременем огромности демонстрирует свою контрпродуктивность. В качестве примера Арендт приводит США, которые в последнюю треть XX века затеяли эксперимент централизованного управления, когда федеральное правительство встает над властями штатов, а исполнительная власть ослабляет власть Конгресса.

Иначе говоря, бюрократия блокирует нормальную деятельность политических систем, стимулирует возврат к насилию: «Мы не знаем, куда эти тенденции нас приведут, — пишет Арендт, — но мы знаем или обязаны знать, что всякое уменьшение власти — это открытое приглашение к насилию, хотя бы потому, что те, кто обладает властью и чувствует, как она вы-

скальзывает у них из рук, будь то правительство или будь то управляемые, всегда с трудом противились искушению заменить ускользающую власть насилием» [Арендт 2014: 101].

Выводы

Таким образом, искушение заменить власть насилием стало всеобщим. Ханна Арендт выработала общие теоретические средства его описания. Насилие надо анализировать как самостоятельный анонимный феномен, воплощенный в институтах государства. Любая мотивировка бессловесного повиновения индивидов существующей государственной власти сомнительна с когнитивной и подозрительна с политической точки зрения. Любая ссылка представителей государственной власти на то, что ее поддерживает большинство, скрывает насильственный потенциал существующей власти. Сферу государства и политики надо тщательно проверить на предмет наличия (отсутствия) в них феноменов, способствующих отождествлению власти с насилием. Власть не сводится к ее любым институционализированным и огосударствленным формам. Требуется систематизация репрезентативных источников, которые позволяют обнаружить нетождественность власти и ее институционализированных и государственных форм в конкретных социально-исторических обстоятельствах.

Ханна Арендт создала один из важнейших теоретических источников, фиксирующих нетождественность власти и насилия. В его состав входит история, теория и практика европейских революций XVIII–XX вв., которые преобразовались в тоталитарное господство. Для выяснения модификаций данного господства требует анализ феноменов и институтов внутреннего насилия, легитимности, оккупации и коллаборационизма. Повиновение власти не является ее поддержкой, а легитимного насилия не существует. Поэтому вся традиция Макса Вебера подлежит переоценке, а все надындивидуальные и вневременные (религиозные и светские) трактовки государственной власти, которые смешивают повиновение власти с поддержкой власти, надо отвергнуть. Бюрократия — это введение практики насилия в государство и политику. В итоге этого процесса возник универсальный феномен бессилия власти, который выражается в процессах социального и политического распада.

Требуется применить к описанию СССР/России сухой остаток размышлений Арендт о бюрократии как воплощении насилия. Наша страна может служить эталоном по преобразованию явного насилия в постоянно действующий фактор внутренней войны правительства с населением на протяжении последних пятисот лет [Пивоваров 2014]. Проблема сводится к разработке программы конкретно-социологических и политологических исследований, базирующихся на идее взаимосвязи феноменов насилия и бессилия власти. Разработка данной программы может базироваться на конкретизации описанных общих положений с учетом анализа ситуации, сложившейся в современной России. Мне приятно, что предпосылки такой программы я сформулировал в своих работах о русской власти (еще не зная трудов Ханны Арендт), обосновав радикальное различие между силой и успехом власти [Макаренко 1998: 90–105].

Алексеева Т.А. б/г. Власть. — *Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия.* — Доступно: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH362f18905da035660b8c36>. — Дата обращения: 18.08.2017.

Арендт Х. 2014. *О насилии* / Пер. с англ. Г.М.Дашевского. — М.: Новое издательство.

Василенко И.А., Семигин Г.Ю. б/г. Бюрократия. — *Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия.* — Доступно: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH362f18905da035660b8c36>.

stone3/library/collection/newphilenc/document/HASHec8a482a3089a91ee4f8ec. — Дата обращения: 18.08.2017.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* [Текст]: в 4 т. Т. 1. Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Европейский словарь философий... 2009. *Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей*. Том первый (на укр. яз.). — Киев.: Дух і літера.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. — Ростов-на-Дону: Изд. Северо-Кавказского научного центра высшей школы.

Макаренко В.П. 2016. Во что верить: в мысль или в государство (заметки читателя о книге: Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. — М.: РОССПЭН, 2008. — *Политическая концептология*. — № 1. — С. 255–270.

Макаренко В.П. 2016. Философская жизнь и концептуальная рутина. — *Вопросы философии*. — № 1.

Макаренко В.П. 2017. Читая Ханну Арендт: взаимосвязь лжи, насилия и политической бездарности (статья 1). — *Политическая концептология*. — № 2. — С. 6–21.

Мандельштам Н.Я. 1999. *Воспоминания*. — М.: Согласие.

Мейе А. 2000. *Общеславянский язык* / Пер. с франц., 2-е изд. — М.: Прогресс.

Подорога В.А. 2015. *Время после. ОСВЕНЦИМ и ГУЛАГ: мыслить абсолютное Зло*. — М.: lettera.org. Изд. «Логос».

Пивоваров Ю.С. 2014. *Русское настоящее и советское прошлое*. — М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.

Современное значение идей Ханну Арендт... 2015. *Современное значение идей Ханну Арендт : материалы международной конференции* / отв. ред. А.Н. Саликов, И.О. Дементьев. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.

Хазин М. 2016. *Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите* / М. Хазин, С. Щеглов. — М.: РИПОЛ классик.

Штраус Л. 2006. *О тирании*. — СПб.: Изд. СПбГУ.

Эткинд А. 2001. *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интетекстах*. — М.: Новое литературное обозрение.